

Работа по регистрации учеников оказалась непыльной, и Ин Фэйчи, занимавшийся этим уже не первый день, быстро набил руку. Он ловко заносил в списки имена детей и глав семейств, пересчитывал купюры, принимал зерно в счёт сельхозналога. Сначала ссыпал его прямо на пол, а когда люди расходились, убирал в хранилище и выдавал учебники. На третий день он уже управлялся с каждым посетителем меньше чем за четверть часа. Вскоре вся деревня только и говорила о новом учителе: мол, и лицом пригож, и почерк у него каллиграфический.

Только сам Ин Фэйчи об этом и не подозревал.

К четвёртому дню поток людей иссяк. Оставшись без дела, Ин Фэйчи не хотел садиться за медитацию, а просто бесцельно бродил по дому, то и дело касаясь вещей. Здесь вырос Чжоу Мань — возможно, в каждом кирпиче или камне таилась тень его прошлого.

Кровать Чжоу Мань сколотил сам, письменный стол ему подарила школа, а гардероб остался от родителей. Календарь на столе он тоже купил сам.

Ин Фэйчи впервые видел подобную вещицу, и надписи на ней казались ему диковинными. Как-то он спросил Чжоу Маня:

— Тут написано, что сегодня четвёртое число восьмого месяца. Почему ты говоришь — двадцать восьмое августа?

Тогда Чжоу Мань подробно объяснил ему разницу между григорианским и лунным календарями, показал цифры и научил их узнавать.

Так что теперь Ин Фэйчи разбирался в счёте. Он обмакивал палец в воду и тренировался писать цифры на каменной плите — слева направо, как принято здесь. Эти причудливо изогнутые знаки давались ему с трудом, выходя кривыми и неуклюжими. Выписав их все, от единицы до тридцать одного, Ин Фэйчи так и не смог избавиться от гнетущего чувства в груди. Казалось, он забыл нечто жизненно важное.

Отложив кисть, он машинально провёл рукой по столу и наткнулся на что-то твёрдое. Взглянув, он увидел книжицу в тёмно-красной обложке.

Домовая книга. Чжоу Маня.

В душе вспыхнуло неодолимое любопытство. Ин Фэйчи вдруг отчаянно захотелось узнать, есть ли у Чжоу Маня кто-то ещё. Прикусив губу, он открыл книжку. В графе «Глава семьи» значилось имя Чжоу Маня. Он перелистнул страницу — там было заполнено лишь одно поле, а дальше — пустота. На единственной заполненной странице были указаны имя, дата рождения, образование и семейное положение. Несколько простых строк на тонкой бумаге говорили

яснее ясного: Чжоу Мань совсем один.

Ин Фэйчи так сильно сжал книжку, что пальцы побелели. Сердце заныло от острой жалости, а перед глазами всё поплыло.

— Ин Фэйчи? — раздался вдруг знакомый голос.

Вошёл Чжоу Мань. Заметив его у стола, он не придавал этому значения и буднично спросил:

— Сколько учеников уже записалось?

Ин Фэйчи не ответил. Он стоял, низко опустив голову.

— Что такое? — Чжоу Мань почувствовал неладное. Он взял его за плечи, развернул к себе и тихо спросил: — Что случилось?

Ин Фэйчи поднял на него взгляд, полный слёз.

— Да в чём дело-то? — Чжоу Мань не на шутку встревожился. Одной рукой он придерживал его, а другой осторожно вытирал слёзы. Голос его звучал низко и нежно, подобно тёплому ключу, пробивающемуся из-под земли. — Тебя кто-то обидел? Что-то не получилось? Совершил ошибку? Не бойся, расскажи толком. Я со всем разберусь.

Ин Фэйчи лишь качал головой. Мыслей было много, слов — ещё больше, но он не знал, с чего начать. Из этого клубка чувств вырвалась лишь одна фраза:

— Чжоу Мань, стань моим главой семьи, хорошо?

У Чжоу Маня на мгновение перехватило дыхание, но следом он мысленно усмехнулся собственной реакции. Ин Фэйчи вырос в закрытой школе, в полной изоляции от мира — откуда ему знать, какой глубокий смысл несёт в себе запись в домовоей книге? Должно быть, ребёнок просто увидел, что у всех есть «прописка», а у него нет. Вспомнил, что он здесь на нелегальном положении.

«Моё упущение, — подумал Чжоу Мань. — Раз уж он попал в этот мир, документы ему необходимы».

— Не волнуйся, — успокоил он его. — Я всё устрою. В эти выходные мы снова выберемся в город, я поведу тебя с Ло Жуюем.

Ин Фэйчи нутром почуял: что-то здесь не так. Он хотел быть с Чжоу Манем в одной книжке

вовсе не ради формальностей, но пока не мог понять, как именно называются такие отношения. Однако имя, сорвавшееся с губ Маня, мгновенно переключило его внимание.

— Зачем нам Ло Жуй?

Заметив его враждебность, Чжоу Мань невольно улыбнулся:

— Тебе не нравится А-Жуй?

Ин Фэйчи ответил прямо и резко:

— Терпеть его не могу. Мне кажется, он хочет тебя у меня отобрать!

«Совсем ещё дитя», — подумал Чжоу Мань и ласково взъерошил его волосы. Он никак не мог отучить себя любоваться их мягкостью.

— Когда я учился в средней школе, родители А-Жуя очень мне помогали. Он тогда тоже ревновал, совсем как ты сейчас. Но как бы там ни было, для своих родителей он всегда будет на первом месте. Так же как... — он улыбнулся ещё теплее, — как для меня на первом месте всегда будешь ты.

Когда Чжоу Мань так улыбался, его взгляд становился бесконечно нежным, словно тонкие нити сладкой патоки проникали в самое сердце. Ин Фэйчи почувствовал, как его обида тает, словно сахар в кипятке. Душа размякла, и спорить больше не хотелось.

В воскресенье они, прихватив внушительные запасы сушёных линчжи и бамбуковых побегов, снова отправились в город L. Едва они постучали в дверь Ли Миня, как тот с порога возбуждённо закричал:

— Староста! Мы заработали!

Чжоу Мань сложил вещи в углу и спокойно кивнул:

— Я понял.

Ли Минь продолжал ликовать, размахивая руками. Наливая воду, он от избытка чувств расплескал половину.

— Староста, твой метод и впрямь работает! Весь товар разлетелся за неделю. Некоторые даже

выпытывали, где я живу, хотели прийти прямо домой. Я им всем сказал, что больше нет. Мол, товар дорогой, редкий, его поди достань. А дешёвку мы не держим. О, чуть не забыл: вчера приходил один при деньгах, предлагал профинансировать открытие магазина.

Чжоу Мань мгновенно насторожился:

— И что ты ответил?

— Сказал, что мы сами по себе. Поблагодарил за высокую оценку, — ответил Ли Минь. — Знаешь, староста, я много думал над твоими словами, когда ты уехал. Понял, что ты продвигаешь товар своей деревни. Такое дело нельзя отдавать в чужие руки.

— Если ты это осознал, значит, мне нет нужды что-то скрывать, — произнёс Чжоу Мань. — А-Минь, мы создаём бренд. Наша цель — не просто прославиться в городе L. Мы сделаем так, чтобы имя деревни Гуаньцзян знала вся страна. Путь будет долгим, возможно, на это уйдёт лет двадцать, но мы обязательно добьёмся своего.

— Вся... страна! — Ли Минь опешил. Пределом его мечтаний была лавка на городском рынке, а Чжоу Мань метил в заоблачные дали. Это казалось безумием, но от этого по коже бежали мурашки — какой мужчина не мечтает о настоящем свершении?

По блеску в его глазах Чжоу Мань понял: Ли Минь колеблется, но заинтригован. Давить он не стал, лишь добавил:

— Эту неделю работай по прежней схеме. Но больше не бери бамбуковых побегов и линчжи со стороны. Только наши.

Чжоу Мань достал листок, исписанный мелким почерком, и начал построчно разъяснять инструкции. Ли Минь вставлял свои замечания, они что-то правили карандашом, пока не пришли к общему согласию.

— Староста, вы что, опять сразу назад? — Ли Минь с тревогой посмотрел на Чжоу Маня и щуплого Ин Фэйчи.

— Да, — кивнул Чжоу Мань. — Раз уж выбрались, нужно уладить дело с пропиской Ин Фэйчи.

— С пропиской? — Ли Минь, знавший, что дела с властями всегда требуют расходов, тут же полез за кошельком. — Староста, вот деньги за ту неделю...

— Оставь пока у себя, — отрезал Чжоу Мань. — Будем рассчитывать раз в месяц, пополам. Ты освоил метод учета, который я тебе показал?

— Да, всё записываю, но...

— Всё в порядке. В городе деньги нужнее.

Чжоу Мань взял Ин Фэйчи за руку, и они ушли. Добравшись до посёлка, они постучали в дверь общежития почтовых работников.

— Чжоу Мань? — Ло Жуй, открывший дверь, сначала просиял, но, заметив рядом Ин Фэйчи, тут же помрачнел. — Чего тебе?

— Хотел узнать, какие документы нужны, чтобы прописать Ин Фэйчи у меня.

— Прописать?! — Ло Жуй чуть не подпрыгнул, в ярости хлопнув ладонью по двери. — Что вы там затеяли, раз он собрался в твой дом вписываться? Нет! Я против! Я этого не допущу!

— Тебя никто не спрашивает, — спокойно улыбнулся Чжоу Мань. — Не хочешь говорить — я поеду в уезд, найду тётю.

Ло Жуй побагровел, его едва не хватил удар. Смерив Чжоу Маня гневным взглядом, он скрылся в комнате и принялся яростно скрести пером по бумаге. Выскочив обратно, он с силой швырнул листок в сторону Чжоу Маня. Тот ловко уклонился, не давая Ло Жую коснуться себя, и перехватил край бумаги.

Хруст...

Листок разорвался надвое. В глазах Ло Жую промелькнула смесь ярости и отчаяния. Он злобно зыркнул на Чжоу Маня и с грохотом захлопнул дверь — так, что со стен едва не посыпалась штукатурка.

Чжоу Мань и бровью не повёл. Он просто развернулся и увёл Ин Фэйчи прочь.

Впервые он не заметил, какое выражение застыло на лице Ин Фэйчи. А тому было очень грустно.

<http://bllate.org/book/17459/1695750>